

УДК81'255.2

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-225-237

Об особенностях поэтического перевода на английский язык (на материале стихотворения Риммы Ханиновой «Им снилась степь в раздолье ковыля...»)

*Жанна Николаевна Сарангаева*¹

¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова
(д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, заведующий кафедрой
E-mail: sarangaeva@yandex.ru

© КалмНЦ РАН, 2020

© Сарангаева Ж. Н., 2020

Аннотация. Статья посвящена лингвокультурологическому и лингвопереводческому анализу стихотворения современного калмыцкого поэта Риммы Ханиновой «Им снилась степь в раздолье ковыля...» на английском языке, переведенного Карлтоном Коупландом (США). Данное произведение входит в стихотворный цикл поэта «Сибирской памяти тетрадь» (1991 г.) и посвящено теме депортации и тринадцатилетней ссылке калмыцкого народа в период сталинских репрессий (1943–1956). Лингвокультурологическое описание этого произведения показывает, что основной его темой является мотив родины и памяти о прошлом. Художественная картина стихотворения передается через разнообразные символы природного и предметного мира. Изучение культурно-этнических явлений с позиции переводоведения по-прежнему остается одним из актуальных методов в теоретическом и практическом аспекте. Исследование показало, что К. Коупланд использует различные переводческие приемы, позволяющие раскрыть содержание оригинала.

Ключевые слова: перевод, стихотворение, английский язык, символ, художественный образ, прагматический эффект

Благодарность. Материалы статьи апробированы на Международной научной онлайн-конференции «Монголоведение в начале XXI в.: современное состояние и перспективы развития – II», проведенной при финансовой поддержке РФФИ (проект № 20-09-22004) и частичной поддержке гранта Правительства РФ (№ 075-15-2019-1879).

Для цитирования: Сарангаева Ж. Н. Об особенностях поэтического перевода на английский язык (на материале стихотворения Риммы Ханиновой «Им снилась степь в раздолье ковыля...») // Бюллетень Калмыцкого научного центра РАН. 2020. № 2. С. 225–237. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-225-237

UDC81'255.2

DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-225-237

On the peculiarities of poetry translation into English (on the material of the poem by RimmaKhaninova «They dreamed of feather grass beneath their feet...»)

*Zhanna N. Sarangaeva*¹

¹ Kalmyk State University named after B.B. Gorodovikov
(11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Ph.D. in Philology (Cand. of Philological Sc.), Head
E-mail: sarangaeva@yandex.ru

© KalmSC RAS, 2020

© Sarangaeva Zh. N., 2020

Abstract. The article focuses on lingvo-culturological and lingvo-translational analysis of the poem by the modern Kalmyk poet Rimma Khaninova «They dreamed of feather grass beneath their feet...» translated into English by Carlton Copeland (USA). This poem is included in the collection the poet's works "A Notebook of Siberian Memories" (1991) and is devoted to the deportation and the thirteen-year exile of Kalmyk people during Stalin's repressions

(1943 – 1956). The lingvo-cultural description of the work shows that its central theme is motherland and memories of the past. The artistic image of the poem is conveyed by the various symbols of the natural and subjective world. The study of the cultural and ethical phenomena in terms of translation studies is still one of the relevant methods in the theoretical and practical aspects. The study showed that C. Copeland uses various translation techniques that allow us to reveal the content of the original.

Keywords: translation, poem, English language, symbol, artistic image, pragmatic effect

Acknowledgement. The article was presented at the international scientific online conference “Mongolian Studies at the beginning of the 21st century: Current State and Development Prospects – II”, held with the financial support of RFBR (project № 20-09-22004) and partial support of the Russian Government Grant (№ 075-15-2019-1879).

For citation: Sarangaeva Zh. N. On the peculiarities of poetry translation into English (on the material of the poem by Rimma Khaninova «They dreamed of feather grass beneath their feet...»). *Bulletin of the Kalmyk Scientific Center of the RAS*. 2020. No. 2. Pp. 225–237. DOI: 10.22162/2587-6503-2020-2-14-225-237

В теории художественного перевода вопрос о средствах и путях достижения адекватности при переводе поэтических произведений является одним из актуальных и малоизученных. Перевод поэзии является одной из наиболее трудных областей переводческой деятельности в силу специфики самого жанра, ритмико-мелодического, композиционно-структурной стороны подлинника, а также зависимости поэтического произведения от особенностей исходного и переводящего языков.

В калмыцкой поэзии XX в. на английский язык переведены избранные стихи Давида Кугультинова (1922–2006), Михаила Хонинова (1919–1981), Боси Сангаджиевой (1918–2001), Риммы Ханиновой. Эти переводы исследованы в статьях разных лет Э. М. Ханиновой [Ханинова 2006а; Ханинова 2006b и др.], В. М. Ситник [Ситник 2003; Ситник 2004 и др.], Е. А. Шкурской [Шкурская 2019] и др.

Стихи современного калмыцкого поэта Риммы Ханиновой переведены на многие языки народов мира и России — английский, немецкий, польский, норвежский, сербский, монгольский, черногорский, белорусский, бурятский, молдавский, татарский, чеченский, чувашский и др. Многие переводы вошли в разные сборники и хрестоматии: «Стану красным тюльпаном» [Хонинов, Ханинова 2010], «Ландшафт истории» [Хонинов, Ханинова 2015], «Материнский хлеб» [Ханинова 2015]. Среди переводчиков Карлтон Коупланд (США), Марлена Зимна (Польша), Жасмина Густавсен (Норвегия), Ванчинсүрэн Цогмаа (МНР), Душан Дюришич (Черногория) и др. Избранные произведения Р. Ханиновой переведены и на калмыцкий язык, поскольку она является русскоязычным поэтом, прозаиком, драматургом. Сама она еще и переводчик, переводит с калмыцкого языка на русский, с русского, белорусского — на калмыцкий язык: стихи калмыцких поэтов, Франциска Скоринны, Максима Богдановича, Владимира Высоцкого и др.

Предметом данного исследования является лингвокультурологический и лингвопереводческий анализ стихотворения Риммы Ханиновой «Им снилась степь в раздолье ковыля...» (1991) на английском языке, переведенного Карлтоном Коупландом (США). Это произведение входит в стихотворный цикл поэта «Сибирской памяти тетрадь», созданного 14–15 ноября 1991 г. и посвященного теме исторической памяти о депортации и тринадцатилетней ссылке калмыцкого народа в период сталинских репрессий (1943–1956).

Приведем стихотворение в оригинале и в переводе.

Им снилась степь в раздолье ковыля,
в весеннем мареве родимая земля,
им слышалася жаворонка трель —
природы пробуждения свирель;
лицо сжигал колючий суховец,
глаза сощурились в излучине бровей,
дрожанье воздуха — то мчит, храпя, табун,
вновь оставляя много тысяч лун;
тринадцать лет табун без седока
уходит в степь по зову жоака;

и только рассыхается седло —
оно без дела мается давно,
висит на стенке дедовская плеть —
ей без него теперь дано стареть.

[Ханинова 1994: 108]

They dreamed of feather grass beneath their feet,
of boundless steppes and hazy vernal heat.
They heard the thrill of skylarks on the wing —
The flute that rouses nature in the spring.
The eyes beneath their bending eyebrows thinned
to slits in faces stung by parching wind.
The air aquiver: snorting horses thunder past
and leave a thousand moons to mark their path.
Four thirteen years, with no one at the reins,
a stallion led the herd into the plains.
Now languishing without a proper task,
a leather saddle only dries and cracks,
and on the wall hangs Grandpa's idle whip,
where it will age without his steady grip.

[Khaninova 2009: 3]

В этом небольшом произведении содержится множество ментальных национально-этнических образов. Тема родины, прошлого и настоящего представлена, в первую очередь, природными мотивами. Так, концептосфера «степь» включает следующие устойчивые доминанты растительного и животного мира: «степь» ('boundless steppes'), «раздолье ковыля» ('feather grass beneath their feet'), «в весеннем мареве» ('hazy vernal heat'), «жаворонка трель» ('the thrill of sky larks'), «табун / вожак» ('a stallion').

Каждый из этих образов несет определенную символическую и смысловую нагрузку.

Степной ландшафт показан как динамичное явление, преимущественно весенне-летнее («в весеннем мареве»). Тайны степной природы раскрываются с помощью пения птиц («жаворонка трель»), шелеста травы («в раздолье ковыля»), свойства ветра («сжигал колючий суховей»).

Пробуждение природы ассоциируется с голосом жаворонка («им слышалась жаворонка трель»), символизируя связь этой птицы с началом дня — рассветом, утром.

Сама степь ассоциативно вызывает представления о воле и просторе. Любовь к родному краю и к свободе акцентируется с самых первых строк:

Им снилась степь в раздолье ковыля,
в весеннем мареве родимая земля,
им слышалась жаворонка трель —
природы пробуждения свирель.

[Ханинова 1994: 108]

Географический ландшафт родины дополнен постоянными образами животных, преимущественно лошадей (коней). В данном контексте через упоминание табуна, его стремительного движения («то мчит, храпя, табун, / вновь оставляя много тысяч лун») актуализируется мотив полнокровной и свободной жизни, оставшейся в прошлом. С другой стороны, образ коня без всадника ассоциируется с ощущением пустоты, горечи и одиночества калмыцкого народа вдали от родины:

...тринадцать лет табун без седока
уходит в степь по зову жожака.

[Ханинова 1994: 108]

Национальный колорит актуализирован через наименование определенных предметов кочевого быта — «седло» ('a leather saddle'), «дедовская плеть» ('Grandpa'aidlewhip').

В предметной семиосфере понятие «седло» является важным элементом этнического самосознания. Наряду с конем седло ассоциируется с определенными жизненными приоритетами и ценностями.

В калмыцком фольклоре седлу ('эмэл') посвящены многие пословицы: *эмэл бээхлэ мөрн олддг, эл бээхлэ амрг олддг* 'при на-

личии седла конь найдется, при хорошем отношении найдутся друзья’, *эмэл мөрнэ кеерүл, гергн жүсирһлин кеерүл* ‘седло — украшение коня, жена — украшение жизни’, ‘*эр мөрн эмэлдэн хатдг, залу күн бүсдэн хатдг*’ ‘участь коня быть под седлом, а мужчины — ходить подпоясанным’ [Поговорки, пословицы и загадки... 2007: 24, 31].

Семантика седла звучит в пожелании преодоления преград и достижения цели: ‘*эмэлэн авл уга, эжоланан сулдхл уга йов!*’ иди, не снимая седла, не ослабляя повод!» (пожелание: идти, не сворачивая, по избранному пути и с достоинством нести свое доброе имя) [КРС 1977: 698].

Кочевник осваивает седло буквально с рождения, так как оно было одновременно колыбелью, кроватью и домом для него.

В калмыцкой кибитке седло как важная вещь имело свое местоположение — слева от входа, где обычно находились предметы конской упряжи. Данный факт находит подтверждение в стихотворении Михаила Хонинова «Эмэл» («Седло»):

В кибитке войлочной отцовой
У двери с левой стороны
Седло соседствует особо,
Совсем без слов своей страны.

(пер. Р. Ханиновой)
[Хонинов 2010: 757]

Следующей важной и знаковой вещью повседневного обихода, преимущественно мужского, является плеть («дедовская плеть»). В калмыцкой культуре плеть (калм. *маля*) является символом времени, преемственности и традиций, неразрывно связанным с конем, домом и национальной идентичностью.

В данном стихотворении плеть, осиротевшая без владельца вещь, так же, как и табун коней без хозяев, уходящий в степь тринадцать лет; оставленное седло, являет собою еще один трагический символ депортации и ссылки народа, отчуждения от родного края и дома, семейных вещей:

висит на стенке дедовская плеть —
ей без него теперь дано стареть.

[Ханинова 1994: 108]

Рассмотрим данное произведение с позиции частной теории перевода.

С точки зрения синтаксической организации текста, отмечается полное сохранение соответствия между строками подлинника и перевода.

В исследуемом материале встречаются как полные лексические соответствия, так и частичные лексические соответствия и расхождения. Анализ текстов показал, что процент прямых лексических совпадений (так называемые «словарные соответствия») в подлиннике и переводе достаточно высок.

В целом ряде случаев применение полного лексического соответствия сопровождается той или иной грамматической трансформацией. Исследование показало, что наиболее распространенным видом такой трансформации является грамматическая замена, которая, по определению В. Н. Комиссарова, рассматривается как «способ перевода, при котором грамматическая единица в оригинале преобразуется в единицу ПЯ с иным грамматическим значением» [Комиссаров 1990: 180]. Замене может подвергаться грамматическая единица исходного языка любого уровня: словоформа, часть речи, член предложения, предложение определенного типа.

В переводе данного произведения отмечаются следующие случаи грамматической замены. В начале первой и третьей строк видим замену страдательного залога действительным: «им снилась» — «they dreamed», «им слышалась» — «they heard».

Действительный залог в тексте перевода использован для логического ударения на субъект действия. Именно через использование глаголов в действительном залоге ('they dreamed', 'the heard') переводчик пытался показать трагизм народа.

В переводе замечена замена глагольного сочетания на атрибутивное («то мчит, храпя, табун» — 'snorting horses thunder past'), а также замена причастного оборота на глагольную предикативную

форму («вновь оставляя много тысяч лун» — ‘and leave a thousand moons to mark their path’).

В тексте перевода допущены структурные перестройки. Так, метафорическое словосочетание «природы пробуждения свирель» заменяется целым предложением: ‘the flute that rouses nature in the spring’, «дрожанье воздуха» — ‘the air aquiver’. Подобная перестройка текста перевода вызвана стремлением К. Коупланда обеспечить доступность понимания рецептора перевода.

Один из основных стратегических принципов переводчика заключается в постулате о том, что значение целого важнее значения отдельных частей, что можно пожертвовать отдельными деталями ради правильного перевода целого. Наиболее общими и широко распространенными из таких приемов являются перемещение, добавление и опущение лексических единиц в процессе перевода.

Так, в предложении «лицо сжигал колючий суховец» (5-я строка) прием перемещения лексических единиц в высказывании позволяет использовать ближайшее соответствие слову оригинала в другом месте высказывания, т. е. в следующей строке: ‘in faces stung by parching wind’ (6-я строка).

В данном стихотворении отмечено несколько случаев добавлений на лексическом уровне. Например, сочетание «в весеннем мареве» метафорически обозначается выражением ‘hazy vernal heat’, которое в буквальном переводе звучит, как «туманная весенняя жара». Согласно словарным данным, слово ‘vernal’ относится к специальной лексике — поэтизмам — в значении «весенний» (‘vernal season’ — весна, ‘vernal bloom’ — вешний цвет) и «свежий, новый, юный» [Апресян 1994: 683].

При переводе данного словосочетания использована лексическая трансформация «смысловое развитие» (модуляция), при которой значение соотнесенных слов выводится из значения исходных лексем, связанных причинно-следственными отношениями.

В переводе отмечены различные лексические замены с эмоционально-окрашенной семантикой, например: ‘parching wind’ — «иссушающий, знойный ветер» вместо «колючий суховец», ‘thunder past’ — «промчатся мимо с грохотом» вместо «мчит, храпя», ‘to

mark their path' — «проложить свой путь» вместо «вновь оставляя».

В переводе встречаются замены, которые носят характер генерализации, т. е. замены слова с конкретным значением на слово с общим значением: «табун без седока» на 'with no one at their reins' (букв. «никого с поводьями в руках»), «степи» на 'plains' (букв. «равнины»). В данном контексте более общее обозначение является предпочтительным по стилистическим причинам, основанными на рифме и размере стихосложения:

For thirteen years, with no one at the reins,
a stallion led the herd into the plains.

[Khaninova 2009: 3]

В переводе также выделяется преобразование, обратное генерализации — конкретизация, т. е. замена слова с общим значением на слово с узким, конкретным значением: 'stallion' в значении «жеребец» вместо «вожак» в оригинале.

Переводчики нередко жертвуют близостью к оригиналу ради достижения определенного эстетического воздействия и создания художественного образа. Так, в переводе Коупланда есть перестановка предложений / высказываний. В подлиннике — это «и только рассыхается седло — / оно без дела мается давно» [Ханинова 1994: 108], в переводе — 'Now languishing without a proper task / a leather saddle only dries and cracks' [Khaninova 2009: 3] (подстрочный перевод: «теперь томится без работы, / кожаное седло только сохнет и трескается»).

Прагматический эффект в данном высказывании достигается за счет использования лексем с совпадающим значением — 'dries and cracks' (букв. «сохнет и трескается»). Употребление парных синонимов весьма характерно для английского языка.

Связь поколений и трагизм ее разрыва также отражены и в предпоследних строках текста через субконцепт «дедовская плеть» ('Grandpa's idle whip', букв. «неиспользуемый кнут дедушки»). Однако эти семы в оригинале и переводе выражаются по-разному.

Написание слова «Granpa's» ('Granpa'sidlewhip') в английском переводе с прописной буквы не случайно. Оно используется с целью возвышения стиля, передачи глубокой символики, связанной с ностальгическими воспоминаниями и сильными переживаниями всего народа в то тяжелое время.

Переводческие соответствия могут устанавливаться между единицами разного уровня языковой структуры. Так, при переводе последней строки — «ей без него теперь дано стареть» — действие переводится глаголом 'will', который используется не столько для выражения будущего времени, сколько для передачи усиления смысла, описывающего настойчивость этого действия.

В переводе последнего предложения («ей без него теперь дано стареть» / 'where it will age without his steady grip') коннотативное значение сочетания «ей без него» передается стилистически окрашенным и образным 'steadygrip', что буквально переводится как «крепкий захват / сжатие».

В этом контексте сочетание 'without his steady grip' является окказиональным соответствием. В предложенном переводе оно используется в стилистических целях для воссоздания художественного эффекта оригинала.

Тема сибирской ссылки в подлиннике описывается имплицитно, уточняясь в фразе «тринадцать лет». В английском переводе указанное словосочетание переводится дословно 'thirteen years', однако оно дополняется отдельным комментарием переводчика: 'a reference to the thirteen-year exile of the Kalmyk people' [Ханинова 2009: 3]. Подобные разъяснения особенно важны в переводческой практике, так как они знакомят иноязычного читателя с культурно-историческими реалиями того или иного народа.

Таким образом, одной из важнейших проблем при поэтическом переводе остается несовпадение характера поэтического мышления в силу разных представлений о поэтическом самовыражении.

Несмотря на определенные трудности, связанные с передачей ментальных и национально-культурных образов, переводчик Карлтон Коупланд успешно справился с прагматической «сверхзадачей». С помощью различных переводческих приемов амери-

канскому переводчику удалось сохранить и передать поэтическое воздействие данного произведения на англоязычного читателя, обеспечить его полное понимание и желаемую реакцию.

Литература

- Апресян 1994 — *Апресян Ю. Д.* Новый Большой англо-русский словарь: в 3-х т. Т. III. / под общ. рук. Ю. Д. Апресяна. М.: Русский язык, 1994. 832 с.
- Комиссаров 1990 — *Комиссаров В. Н.* Теория перевода (лингвистические аспекты). М.: Высшая школа, 1990. 253 с.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 768 с.
- Поговорки, пословицы и загадки... 2007 — Поговорки, пословицы и загадки калмыков России и ойратов Китая / сост., пер. Б. Х. Тодаева. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2007. 839 с.
- Ситник 2004 — *Ситник В. М.* Английские переводы лирики Риммы Ханиновой // Калмыцкий университет. 2004. 28 августа. С. 5.
- Ситник 2003 — *Ситник В. М.* Уровни выражения противопоставленности в английских переводах лирики Риммы Ханиновой // Монголоведение в новом тысячелетии (к 170-летию организации первой кафедры монгольского языка в России): мат-лы междунар. науч. конф. (22–26 сентября 2003 г.). Элиста: КГУ, 2003. С. 85–89.
- Ханинова 1994 — *Ханинова Р. М.* Взлететь над мира суетой: стихи. Элиста: АПП «Джангар», 1994. 240 с.
- Ханинова 2015 — *Ханинова Р. М.* Материнский хлеб: хрестоматия. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 236 с.
- Ханинова 2006a — *Ханинова Э. М.* Диалог народов в аспекте межкультурной коммуникации: Римма Ханинова — Карлтон Коупланд // «Восстановление национальной государственности репрессированных народов России и перспективы их развития на современном этапе», Российская науч.-практическая конф. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 143–146.
- Ханинова 2006b — *Ханинова Э. М.* Человек, текст и время: лирика Р. Ханиновой в английском переводе // Этнокультурная концептология: сб. науч. тр. Вып. 1. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2006. С. 324–330.
- Хонинов 2010 — *Хонинов М.* Седло // Герои войны — герои литературы (Писатели-фронтовики Калмыкии о Великой Отечественной войне)

- / сост. Н. С. Нимеева и др. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. С. 757–758.
- Хонинов, Ханинова 2015 — *Хонинов М. В., Ханинова Р. М.* Ландшафт истории: хрестоматия по калмыцкой литературе на языках народов мира. Элиста: Изд-во Калм. ун-та, 2015. 238 с.
- Хонинов, Ханинова 2010 — *Хонинов М. В., Ханинова Р. М.* Стану красным тюльпаном: стихи, поэмы, переводы, повесть. Элиста: ЗАОр «НПП «Джангар», 2010. 736 с.
- Khaninova 2009 — *Khaninova R.* «They dreamed of feather grass beneath their feet...» // Калмыцкий университет. 2009. 14 апреля. С. 3.
- Шкурская 2019 — *Шкурская Е. А.* Флористические образы в современной калмыцкой лирике: английский перевод в аспекте имагологии // Монголоведение. 2019. № 2. С. 343–358.